

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ФМО
(НОФМО)

ПРОЕКТ
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЮРКСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫП. 2

СЕСПЕЛЬ МИШШИ: РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Воронеж

2007

УДК 82.1
ББК 83.3(2)
С 28

Редакционная коллегия:

асп. А.А. Баутин, асп. Е.В. Войнов, асп. И.Б. Горшенева,
преп., к.и.н. М.В. Кирчанов, преп., к.и.н. И.Ф. Форет

Источник:

Сеспель М. Стальная вера. Стихи / перевод с чувашского П. Панченко. – Чебоксары, 1979. – 56 с.

© Авторы, 2007
© Кӓрчан Макӓм, составление, 2007
© Кӓрчан Макӓм, вступительная статья, 2007
© НОФМО, 2007

I

Кӑрчан Макӑм
**СЕСПЕЛЬ МИШШИ:
РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В ЧУВАШСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ**

XIX и XX столетия стали веками национализма. Национализм стал той политической идеологией, которая широко использовалась не только для популяризации идеи национального освобождения, но для самого освобождения, демократического развития и гражданского строительства. Для народов, которые не имели своей национальной государственности, национализм стал той, школой, где они открыли для себя ценности свободы и демократии. Нередко в исторической литературе господствует принцип евроцентризма и история национализма ограничивается Центральной, Восточной, Южной и Западной Европой. Но национализм, националистические движения развивались и в той части Европы, которая в силу исторических обстоятельств оказалась частью России и, поэтому, была исключена из общеевропейского исторического процесса.

Если для европейских угнетенных народов национализм стал действенным средством их политической и государственной институционализации, то для восточно-финских и тюркских народов России национализм оказался и действенным средством модернизации – политической, социальной, культурной. Национализм имел немалое модернизационное значение и в Восточной Европе, но там его модернизационный потенциал раскрылся еще в XIX веке. В России сложилась иная ситуация – национальные движения восточно-финских и тюркских народов начались «с опозданием» и в наиболее активную фазу перешли уже в XX веке, после революционных перемен 1917 года. Победа большевиков оказала существенное влияние на вектор развития национализма.

Чувашское национальное движение началось во второй половине XIX века и развивалось, главным образом, как культурное течение. К 1917 году чуваша уже обрели некоторый литературный опыт. Иными словами, к началу политических и социальных экспериментов большевиков чувашские интеллектуалы, среди которых было немало левоориентированных авторов, по-

дошли частично к ним готовыми. В целом чувашская культура демонстрирует уникальный дискурс стремительной, сознательно направляемой, модернизации, чего не знает история соседних тюркских и восточно-финских народов. Речь идет о чувашском поэте Мишши Сеспеле (1899 – 1922), благодаря деятельности которого чувашская культура стремительно нагнала культуры европейские.

Сеспель – фигура знаковая в истории чувашской литературы. Вероятно, это самый модернистский чувашский поэт, жизнь которого в чем-то повторила основные тенденции той эпохи. И то, что в 1922 году Сеспель, по словам Хумма Семене, за свою короткую жизнь «успев страстно прокричать о любви к родному народу»¹, покончил жизнь самоубийством подчеркивает его особый статус: он ломал устоявшиеся нормы не только в поэзии, но и в поведении. Комментируя биографию Мишши Сеспеля, Атнер Хузангай пишет, что «из всех чувашских поэтов — реализовался наиболее личностно, вплоть до самораспинания себя и своей Родины на коммунистическом кресте. В огне своих борений, в своей мучительной любви, в своем жертвенном национализме он выходил на христианский подвиг как мятежник, как богоборец, как бы проецируя себя в будущее»². После своей смерти Сеспель оказался в центре многочисленных дискуссий между чувашскими интеллектуалами и их русскими московскими цензорами и кураторами. В этом идейном противостоянии, вероятно, победила именно чувашская национально ориентированная интеллигенция и усилиями гуманитариев интеллектуалов Сеспель был возведен в негласный пантеон отцов нации³.

Сеспель – поэт идей. Вероятно, на протяжении его жизни в

¹ Хумма Семенё. Пирён писательсем // Канаш. – 1923. – 2 ноября.

² Хузангай А. Во имя... // Дружба народов. – 1999. – № 5.

³ Егоров Н.Е. Основоположник чувашской советской поэзии // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 5 – 11; Дедушкин Н.С. Великий поэт чувашского народа // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 12 – 18; Алка А.Е. Сеспел Мишши // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 35 – 51; Кузнецов И.Д. Сеспел Мишши пултарулаьхенчи нациллине интернационалли // Ученые записки

творчестве поэта доминировали, взаимно переплетаясь и дополняя друг друга, несколько основных идей. С ними, идеями («шухайшемпе»), нередко не соглашалась критика, но даже оппоненты Сеспеля признавали уникальность его стихов. Для своего, даже революционного, времени Сеспель был слишком модерен, современен и оригинален. Например, в 1924 году, два года спустя после гибели поэта, журнал «Сунтал» писал, что «с идеями Мишши Сеспеля редакция согласится не может. Однако с технической стороны стихи настолько хороши, что это трудно даже выразить. Среди чувашских поэтов очень мало таких, которые писали бы как Сеспель. Поэтому, мы публикуем его стихи»⁴.

В значительной части произведений Мишши Сеспеля доминирует национальный нарратив, который в ряде случаев сочетался с религиозным. Одно из стихотворений поэт начал с отсылки читателя к явно религиозному сюжету, воскликнув «Или! Или! Лима савахвани!» («Боже! Боже! Зачем ты оставил меня!»⁵), тем самым повторив слова распятого Иисуса Христа. Для Сеспеля характерен достаточно легкий переход с религиозной на светскую, национально маркированную, проблематику. Начав словами распятого Христа, Сеспель продолжает сравнением своей родины с религиозным гонимым мучеником: «край мой распят – гляжу и горю... одинок его крест среди пустыни». Такая дихотомия «светское – религиозное» сопровождается у Сеспеля и игрой цветов. Он создает мир, постепенно погружающийся во тьму, мир, где «недруги света» спрятали солнце, которое, как кажется Сеспелю, «не проглянет уже никогда». Но Сеспель все же оставляет своему герою, не человеку, а герою-народу, возможность выбора. И словно в порыве отчаяния или бунта восставший человек низвергает крест.

Образ поверженного креста не имеет антирелигиозного характера, а проникнут, скорее, пафосом утверждения нового,

НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 117 – 123.

⁴ Сунтал. – 1924. – № 1.

⁵ Мишши Сеспель несколько раз переиздавался на чувашском и на русском языках. См.: *Ҫеҫпӗл Мишши. Сӑвӑсем.* – Шупашкар, 1940; *Ҫеҫпӗл Мишши. Хурҫӑ шанчӑк.* – Шупашкар, 1948; *Сеспель М. Стальная вера.* – Чебоксары, 1948 (1979).

триумфа современности над старым миром. В этом контексте Сеспель выступает как трибун, как глашатай масс, что давало повод авторам 1930-х годов писать, что «Сеспель был одним из тех, кто своим проникновенным словом делал (коммунистические) идеи достоянием масс»⁶, а критикам 1970-х годов утверждать, что Сеспель верил в то, что «вдохновляющей силой и ядром в освободительной борьбе были пролетариат и коммунистическая партия»⁷.

Но и утверждение нового, что в принципе поэт приветствует, оказывается далеко не самым приятным. Поэтому, настоящее, современность – это наименее приятные образы в творческом наследии Сеспеля. Современность стала для него своеобразной пыткой, истязанием и тяжелой борьбой за существование. «дороги... на дорогах трупы... у околиц – мертвые кости... тяжело, тяжело, душно» («*Ѕулсем... Ѕулсем ҫинче вилесем, укӑлчасем панче вил шӑмсем... Ах, йывӑр, йывӑр, пӑчӑ*») – именно такие слова нашел поэт для описания современности. С другой стороны, для него было характерно осознание того, что современность временна, уходяща. Вероятно, прав, в связи с этим Атнер Хузангай, когда пишет, что Мишши Сеспель открывает новый этап в развитии чувашской культуры⁸. Именно с Сеспеля начинается ее современность.

Поэтому, возникают новые образы – смерть старого мира становится временем рождения мира нового: «Эй! Вы живые через трупы, по грудам костей... к солнечному завтра мост резной перекиньте» («*Эй! Эсир, чӗррисем, вилесем урӑ, шӑм куписем ҫинче хӗвелӗ ыран енне кӗпер чӗнтӗрлӗр*»). В такой ситуации устремленности в будущее одна человеческая жизнь теряет свое значение и уже для поэта ничего не значит и его собственная жизнь. Он словно приносит себя в жертву на алтаре агрессивно рождающейся современности: «я упаду без сил, втопчите меня в прах, смело топчите мое сердце... сломайте мне

⁶ Кузнецов И.Д. *Ѕесӗӗл Мишши пултарулаӑх тавра* // Канаш. – 1930. – 6 августа.

⁷ Павлов Н.С. *Михаил Сеспель в чувашском литературоведении* // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 57.

⁸ Хузангай А. *Книга Пигамбара, или Какое наследие мы имеем* // Новый ЛИК. – 2002. -№ 1.

шею... прошу меня швырнуть под мост» (*«Эпё халрав кайса
йксессён, ман урлă таптаса каçса кайăр, тимёр урăрсемпе
чĕрем çине хăюллăн таптăр. Ах! Таптăр. Ёнсене хуçăр»*).

В поэзии Сеспеля разворачивается не просто история чувашей, Сеспель пытался показать, как она разворачивалась в традиционном ландшафте, который постепенно стал частью чувашского национального самосознания. Для Сеспеля чувашская история предстает как череда сменяющих друг друга трагедий и неудач («со времен стародавних жил чувашский народ в неволе, какого только горя не мыкал, какой муки не претерпел он, чтобы сберечь родное чувашское слово»), величайшая из которых – разделение чувашского народа, которого пытались лишить и родного языка («кто куда разбежались они, в глушь дремучих лесов... сирый, горемычный чувашин! Разлучили тебя с братьями и сестрами. По-чувашски и пикнуть не давали тебе чужаки»). На смену такой истории грядет чувашский век, в которой чувашши станут подлинными активными творцами своего нового мира. Поэтому, Сеспель и призывал чувашей трудиться во имя чувашского завтра: *«Чăваш тĕнчи çывхарнă чух... Чăвашăн кунĕ йăваш-ши! Анаслă ыйăхăн йиши – Вырăнлă-ши?.. Вырăнлă-ши?»* («Когда наступит чувашская эра, может ли душа чуваша быть кроткой? А сон с широкой зевотой уместен ли?.. уместен ли?»).

Сеспель в своей поэзии формирует новый образ чуваша – творца и борца. Это уже не тот неграмотный, темный и забитый чуваш, угнетаемый русскими православными попами и помещиками, над которым смеются русские жители города: *«Авалхи кунсен ёречĕ ун чунне тпта-тапта, ун чунне чĕри тĕпне хурлăхлăх юрри хăварнă»* («Старый мир, глумясь над его душой, в его душе, глубине сердца оставил напев печали»). Это уже совершенно другой, новый, человек. Герой поэзии Сеспеля – это именно чуваш с чувашским сердцем. Поэтому, Сеспель, обращаясь к читателю, призывал: *«Чăваш чĕри! Хăюлăх вучаххи пулса тăр!»* («Сердце чуваша! Стань горным отваги»), «О, сердце, бейся отважнее, пой веселее песню отваги» (*«Чĕрем, сик хăюллăн, хавассăн, хăюлăх юрри кĕвĕле»*). Такой герой разрушает старый мир ради нового: *«Эй, вĕре, вутлă юн! Эй Çĕн Кун, йăлтăр Кун, кив çĕре çунтарса, çун! çун! çун!»* («Эй, бурли, ог-

ненная кровь! Эй, Новый День, светлый День, сжигая старую землю гори! гори! гори!»).

Поэзия Сеспеля националистична, но националистический дискурс более очевиден в драматических опытах поэта. Сеспель, не без оснований, в бедах чувашей в прошлом винил русскую администрацию, чиновников, которые не проявляли к чувашам никакого сочувствия. Известна недописанная пьеса «Чуваший поэт» («*Чăваш поэт*»), в центре которой – трагедия молодого чуваша Яхрава, исключенного из университета за то, что он придерживался национальных идей и стремился к лучшему будущему для чувашей. В порыве гнева Яхрав обвиняет во всем русских: «*ăста курнă эс чăваш ирĕклĕ пурăннине. Вырăсла чăваш пĕрех пулнăран мана университетран кăларса ячĕç-и?*» («...где ты видела, чтобы чуваша жили свободно? Разве потому, что русские и чуваша на одном положении, меня исключили из университета»). Яхрав, будучи националистом, обвиняет свою знакомую Анук в том, что она не видит разницы в том быть русским или чувашом. Яхрав последователен в своих взглядах, он верит, что «*чăваш та пусмăрçăсене хирĕç тавăрма пĕлĕ*» («и чуваша сумеют отплатить своим притеснителям»), «*вăхăт çитĕ, чăваш патша ури айĕнчен ирĕке тухĕ*» («настанет время и чуваш вырвется на свободу из-под пяты царизма»)⁹.

Герой поэзии Сеспеля – это, действительно, герой коллективный, активно создающая сама себя чувашская нация. В каком-то смысле поэзия Сеспеля – массовая не в том контексте, что она проста (поэтическое наследие Сеспеля – один из наиболее сложных для восприятия феноменов в чувашской литературной традиции XX века), но в контексте того, что поэт соотносил себя с чувашской нацией в целом: «*Кăвар чĕрем – пин сын чĕри. Эп пĕр сын мар – эп хам пин-пин. Эп пин чăваш, эп пин-пин сын! Чĕрем юрри – пин сын юрри*» («мое огненное сердце – сердце тысяч людей. Я не один – я сам тысяча тысяч человек! Песня моего сердца – песня тысяч людей»). В поэтическом наследии Сеспеля чуваш предстает как человек земли, как

⁹ Романова Ф.А. Драматургический опыт Михаила Сеспеля (Наброски его пьесы «Чуваший поэт») // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1971. – Вып. 51 (Основоположник чувашской советской поэзии). – С. 191.

пахарь, «человек сохи», активно вступающий в новый мир, где «солнце новой жизни будет над землей гореть». Этот новый мир в поэзии Сеспеля явно социально окрашен. В такой ситуации в его стихах заметны и социальные мотивы. Мы находим и «обездоленный люд», который с трудом выживал, будучи угнетаемым и социально и национально. В такой ситуации поэзия Сеспеля словно играет цветами, а сама цветовая гамма имеет не просто художественное значение.

Чередование и смена цветов не только обогащает язык поэзии Сеспеля («*тăван чĕлхене юратма кĕртет*»¹⁰ – «любовь к родному языку», по мнению критиков, отличало поэзию Сеспеля), но вводит читателя в социальный контекст авторского текста. Белый цвет в поэтическом наследии Сеспеля окрашен в холодные и, поэтому, отталкивающие, тона. Зима для Сеспеля – это злое время, время сна, сковывающего силы и потенции народа. В стихах Сеспеля мы находим противостояние белого цвета с красным, противостояние огня и снега. В этом противостоянии стихий, по мысли Сеспеля, победа будет за огнем. Образ огня, как и некоторые другие мотивы поэзии Сеспеля, так же социально детерминирован: если в «буйном ветре», в «пыльном небосводе» гибнет герой Сеспеля, то смерть – категория второстепенная. Гораздо важнее то, что «красный флаг», который был в руках героя, сохраняет свое значение, становясь уже новым символом, указывающим направление в будущее.

За столь тонкое умение играть цветами в 1920 – 1930-е годы Сеспель критиковался чувашскими авторами, которые, с одной стороны, возводили его на пьедестал, как основателя чувашской советской литературы, как певца Октября (например, чувашский поэт Н. Васянка охарактеризовал Сеспеля как «*хĕрĕллĕ поэт... Аслă Октябрь тивлетне мухтаканскер*» – «пламенного поэта... воспевающего успехи Великого Октября»), но, с другой, и критиковали за то, что например, «в период чехословацкого мятежа коммунист Сеспель отождествлял понятия «чувашский язык» и «революция», распростираясь ниц перед всем чувашским, он скатывался к националистическим мотивам».

¹⁰ Хумма Çеменĕ. Пирĕн писательсем // Канаш. – 1923. – 2 ноября.

вам, а его пламенное сердце искрилось шовинизмом»¹¹.

Поэзия Сеспеля глубоко лирична, хотя в одном из стихотворений он и провозгласил, что настало новое время – «*Вăхăт – ача шăх вăхăч мар*» («время не для нежностей»). В поэзии Сеспеля мы находим совершенно особый тип восприятия времени – это, своего рода, красное кровавое время. И в этом водовороте современности для Сеспеля одна эпоха умирает и ее меняет новый век: «*Кивви çĕтет, çĕрсе çĕтет кивви. Чĕре кĕтет хĕвеллĕ ёмĕре*» («старое исчезнет, сгинет и исчезнет старое, сердце жаждет нового солнечного века»). И пока происходит смена эпох «*Юн тулмать, юн тулмать – хĕрлĕ юн*» («капает кровь, капает кровь – красная кровь»).

В поэтическом наследии Сеспеля поражает его цветовая палитра в сочетании со значительным национальным чувством. В своей поэзии Сеспель предстает как смелый экспериментатор, новатор чувашского языка. Именно эти языковые искания и эксперименты позволили критикам заявить, что «талант Сеспеля был очень могуч... он, подобно блеску молнии, волновал сердца и убеждал, что на чувашском языке возможна высокохудожественная литература»¹². Подобно европейским националистам, которые значительное внимание уделяли развитию своих национальных языков, Сеспель так же немало писал о чувашском языке. Для Сеспеля чувашский язык – реальная связь времен, которая соединяет различные поколения чувашей. В этом языковом тематическом измерении его поэзии мы находим, и национальный и цветовой дискурсы, которые расширяются и свет уже сменяется огнем, белое становится снежным...

Развитие чувашского языка, «ласкового языка», который, как казалось Сеспелю должен «гореть жаром солнца» («*Чăваш чĕлхи, чăваш чĕлхи хĕвел кăварене вултан*»), было знаменьем нового революционного времени, эпохи утверждения современности: «мир очищен от старья огнем свободы и... стал белым, белый свет... с тьмой исчезли униженья... ты, чувашский наш язык, увидел свет». Чувашский язык в поэзии Сеспеля уподобляется огню, пожару, выжигающему старый мир. В такой ситуа-

¹¹ Çеçпĕл Миши. Сăвăсем. – Шупашкар, 1928. – С. 5.

¹² Хумма Çеменĕ. Пирĕн писательсем // Канаш. – 1923. – 2 ноябрь.

ции, язык становится мощным каналом модернизации чувашской культуры, который успешно использовал Сеспель. Вокруг такого отношения к языку среди чувашских интеллектуалов уже после смерти Сеспеля развернулась полемика. Часть наиболее одиозно настроенных критиков обвиняла его в национализме, другие, наоборот, пытались доказать, что языковое новаторство Сеспеля изначально имело революционный характер¹³.

Сеспель приветствовал приход к власти большевиков и активно поддерживал их. С другой стороны, его отношение к революции было двойственным. Он позитивно отнесся к тому, что именно большевики принесли не только социальное, но и национальное освобождение. Но именно национальному компоненту в революции он отдавал приоритет. Вероятно, Сеспель воспринял революцию как именно акт национального протеста против политики русификации и подавления национальных культур, которая в целом была характерна для России до 1917 года. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что писал Сеспель в 1920 году: «революция вдохнула в нашу жизнь новый животворный дух... всюду и во всем – Возрождение... стала развиваться и чувашская поэзия, призванная освещать путь чувашского народа и вдохновлять его... надо искать новые пути... надо наметить правильную линию»¹⁴. Идеи Возрождения, точнее – рождения Нового мира – занимают одно из центральных мест в творчестве Сеспеля. Для Сеспеля характерно сочетание идей социального и национального возрождения, национального и социального освобождения. Поэтому он приветствовал то, как «возрождается моя страна... в деревнях с низенькими избушками веет новый, животворный дух» («*Җыршывăм чĕрĕлет! Пĕчик пĕртсемлĕ ялсенче... Җĕн сывлаш чун уҫса вĕрет*»).

Этот национально маркированный нарратив, характерный для творческого наследия Сеспеля, был понят далеко не всеми его современниками. Уже после смерти, в условиях признания заслуг, Сеспель все же подвергался критике за приверженность «чувашскому буржуазному национализму», за то, что не смог

¹³ Кузнецов И.Д. *Хальхи поэзие истори ҫинчен (Җеҫпĕл Мишши ҫинчен калаҫнă маях)* // Канаш. – 1930. – 7 августа.

¹⁴ Җеҫпĕл Мишши. *Сăвă ҫырассине ударени правилисем* // Канаш. – 1920. – 17 ноября.

избавиться в своих стихах «от налета какой-то грусти, одиночества и байронизма»¹⁵. В 1933 году критик Д. Данилов обвинял Сеспеля в том, что тот «не давал четкого классового освещения причин, которые привели чувашский язык к крайнему захирению». Сеспель критиковался официальной советской критикой 1930-х годов за то, что он «романтически мученический ореол вокруг прошлого и излишне преувеличенное романтическое представление о боевой силе чувашского языка»¹⁶.

Языковая тема – одна из центральных в творчестве Сеспеля. Для поэта родной язык – не просто один из атрибутов чувашской нации. Для него язык является проявлением ее силы, будущности: *«Йывӑр асапран та, тимӑр сӑнчӑртан та эсӑ парӑнмасӑр хӑтӑлтӑн пулсан – пулас пурнӑсра та ҫивӑпче хӑватлӑх ют чӑлхесенчен те кая пулмӑ сан»* («если ты выдержал непокорно тяжкие пытки и железные оковы, то и в грядущей жизни по остроте и силе ты не уступишь другим языкам»). Именно поэтому Мишши Сеспель обращается к современникам с призывами не забывать чувашский язык, но, наоборот, развивать и поддерживать его: *«Часрах килсе хӑватлӑх кӑртчӑ чӑвашӑн капӑр чӑлхине»* («Приди скорее и дай силу красивому чувашскому языку»).

Чувашский язык в поэзии Сеспеля – это сама современность, жесткая, железная, бескомпромиссная («настанет время – и чувашский язык сможет рубить железо... станет он острым, точно каленая сталь»). С другой стороны, это и традиционная культура с народной, полной архаики и прошлого, песней («настанет время – и грянет над землей чувашская песня... любовно восславит она чистое небо, радостный мир, красное солнце»). В такой ситуации чувашский язык играет почти мистическую роль связующего моста между тремя эпохами – седым чувашским прошлым, тревожным настоящим и светлым будущим чувашского мира. Параллельно чувашский язык «привязан» к чувашской земле. Таким образом, в поэзии Сеспеля утверждается триада «чувашская земля – чувашское время – чувашская на-

¹⁵ Васильев Н. За большевизацию чувашской литературы // Национальная книга. – 1931. – № 2.

¹⁶ Данилов Д. Октябрьская революция и чувашская литература // Советская Чувашия. – М., 1933. – С. 122.

ция». В такой ситуации чуваш превращается в человека будущего, в жителя новой эры.

Мишши Сеспель своими экспериментами над чувашским языком значительно обогатил его, вывел на новый уровень. Многие стоки его стихотворений звучат афористично: «Чăвашан йăсĕ – хурăç пул» («Чувашский ум, сверкай как сталь»), «Аспа чул кас ва тут кăлар» («Умом режь камень, высеки огонь»), «Куçна тĕлле хĕвел çине» («Глаза – на солнце, рвись вперед»), «Çырулахан пулĕ тĕрĕс çулĕ, кĕнеке те пулĕ сĕршив мулĕ» («Учение – дорога к правде, книги – богатство родины»), «Ман çунатла вутла чунăм, сĕн сĕре чĕнен чĕре кĕреши вайне анчах кăмăлатть çак тĕнчере» («Я душою огнекрылой, сердцем жарким, что зовет в обновленную страну, лишь борьбу могучей силы ставлю выше всех красот»).

Поэзия Сеспеля – феномен европейского масштаба, мы находим мотивы характерные и для европейских националистов. В творчестве европейских националистов конца XIX – начала XX века особое внимание занимал гендерный вопрос. Утверждение модернизма было немыслимо без утверждения новых норм в отношениях между полами. В Европе среди разрушителей старой морали, отказ от которой способствовал политизации женщин и радикальным переменам среди женских образов в литературе (на смену сентиментальной девице приходит свободная, иногда – распутно развязанная героиня, матери семейства – Мать-Отчизна), было немало националистов-мужчин. Чувашская, стремительно модернизирующаяся, культура начала XX века не стала исключением. Сеспель решительно выступает против того образа чувашской женщины, который пытались утвердить в литературе его предшественники. Для него она уже не просто девица, мать, сестра, женский образ у Сеспеля окрашен социально и национально. Сеспель радикально отрицает образ чувашской женщины, как забитой и бесправной, как образ женщины-рабыни, «от рождения, с которой было рабство».

Поэзия Сеспеля – это не просто совокупность модернистских экспериментов. В значительной степени его поэтическое наследие футуристично в том смысле, что будущее часто фигурирует в его стихах как одна из доминирующих тем. Будущее – категория, маркированная цветом и светом: «после темной бури

день ясный улыбнется... мир весь обновится... кровь погибших... станет алым цветом». Для Сеспеля характерна своеобразная дихотомия «прошлое - будущее». В этой паре прошлое окрашено в темные и неприятно отталкивающие цвета, будущее, наоборот, ассоциируется, как правило, со светом, с позитивными эмоциями. Будущее, «новый день» для Сеспеля – это и в значительной степени чувашское будущее, своеобразный чувашский мир, время расцвета чувашского языка и культуры.

Поэтическое наследие Сеспеля имеет и еще одно измерение – морское. Исторически чуваша развивались как нация глубоко континентальная, отдаленная от морей и больших вод. Самыми водными образами в чувашской традиционной культуре были реки. Образ моря в поэзии Сеспеля, подобно другим образам, так же имеет символический характер, являясь, с одной стороны, символом силы, которой, по мнению поэта, так не достает чувашам, и, с другой, символом постоянного развития и обновления. И именно на фоне моря становится очевидной та модернизаторская роль поэта, когда он осознает себя «поэтом новых чувашей». Море превращается в источник вдохновения, в способ приобщения к новому и неконтролируемым потоком, который несет человека вперед, в случае с поэзией Сеспеля – в будущее. Сеспель словно национализирует море, создает уникальный дискурс чувашского моря: «море разбушевалось... море, ты могуче... громоподобным пением своих волн влей в мое сердце силы! Пусть оно яростно полыхает! Пусть наполнит огненными словами мою речь! Тогда, возвратись домой, все свои силы, силы моего сердца я отдам чувашской стороне без остатка. Обжигающими словами я разбужу молодые души: пусть перед ними откроется жизнь, пусть познают они красоту светлого мира».

История творчества Мишши Сеспеля – неотъемлемая часть истории чувашского национального движения XX века, развития чувашской национальной идентичности – в первую очередь, ее культурной составляющей. Национализм Сеспеля не ограничивался только поэтическими экспериментами. Иными словами, Сеспель не был исключительно культурным националистом. Участие Сеспеля в политике, членство в коммунистической партии и поддержка начинаний большевиков – все эти моменты из творческой и жизненной биографии Мишши Сеспеля свиде-

тельствуют о том, что с деятельностью Сеспеля в истории чувашского национализма совпало начало нового этапа, отмеченным расширением сферы проявления национализма и националистической идеологии.

В том числе, благодаря деятельности Сеспеля чувашский национализм стал политическим, возникли условия для постепенной институционализации чувашского национального движения, в том числе – и в культурной сфере. Сеспель – фигура в истории чувашской националистической традиции знаковая и уникальная. Широко используя традиционную поэтику, традиционный стих, рифму в традиционном понимании этого слова, Сеспель никогда не был консерватором. Несмотря на преобладание внешне традиционной поэтической формы, поэзия Сеспеля уже далека от романтической традиции его предшественников. В творчестве Сеспеля мы наблюдаем разрыв с более ранней чувашской литературной традицией.

Игра Сеспеля со словом, с цветом, с языком – эти факторы в наибольшей степени подчеркивают уникальность его поэтического наследия. С другой стороны, за словом скрыт глубинный смысл авторского нарратива поэзии Сеспеля. За всеми этими белыми и красными цветами, железным словом и искренним желанием принимать участие в национальном возрождении чувашского народа скрывается новая поэтика, основы которой в чувашской литературе заложил именно Сеспель. Сеспель стал, пожалуй, первым советским модернистом, для которого вызовы современности, вызовы модерна стали теми вызовами, которые бросили большевики своим политическим оппонентам.

В такой ситуации творчество Сеспеля предстает как многоплановый феномен – это национальная культура и культура советская. Такая игра в соединение советского и чувашского была опасной с политической точки зрения. Позднее, в 1930-е годы некоторые чувашские авторы, которые не сомневались в ценностях коммунизма, но были и умеренными чувашскими националистами, по причине чего – свято верили в возможность существования чувашского национализма, именно эти чувашские авторы, некоторые из которых пришли в литературу вместе с Сеспелем пали жертвами советских репрессий. Сеспель не стал дожидаться разгрома чувашской интеллигенции и сам затянул

петлю в Украине в 1922 году – Сеспель был последовательным модернистом, низвергателем канонов.

Сеспель – яркий поэт, огненный ангел чувашской поэзии. Сеспель в значительной степени – это и поэт-одиночка. Одиночка в смысле уникальности и неповторимости своего таланта, но не в коем случае, что его наследие не было понято и он не нашел продолжателей. Чувашская культура после Сеспеля развивалась на им заложенном идейно-образном фундаменте. В советское время Сеспеля провозгласили отцом советской чувашской поэзии. Советские чувашские интеллектуалы ошиблись только в одном – Сеспель был отцом современной чувашской культуры в целом. В рамках советского канона ему было тесно...

II

Или! Или! Лима савахвани
Край мой распят — гляжу и горю,
И, любя его до издыханья,
Я тропинку к спасенью торю?
Одинок его крест средь пустыни,
Кровь живая сочится в песок,
И вино его горше полыни,
И глаза его мрак обволок.
И бесчинствуют недруги света,
И чинуш затрясло — смехота!
Плачет край мой разутый-раздетый,
Тьма над ним непроглядно густа.
Мнится: это навеки! И солнце
Не проглянет уже никогда.
И ковыль опечаленный гнется,
И его сокрушает беда.
Вдруг земля задрожала — и голос
Грянул громом не в небе, а в ней: —
Слушай, знающий холод и голод,
Слушай, жаждущий жить веселей!..—
Рухнул крест от вестей громогласных
Поднял веки мой край и глядит;
Приближаются толпы несчастных,
Песня вольная к тучам летит.
Обнимаясь, целуются; речи
Не смолкают на ста языках,—
Бич страданий отброшен далече,
Страх и рабство повергнуты в прах!
Край мой тоже запел, но печален
Тихий голос его... Он поет,
Хмур, невзрачен, и очи запали,—
Им еще не заслужен почет.
Но возвышен он силою духа:
Он так долго страдал... Ты узнай

Хоть немного об этом — и сухо
Не бросай, что бессилён мой край!
1918 г.

БЫЛОЕ

Человек сохи, дружище,
Помнишь ли свое
В бедности, в лохмотьях нищих
Прошлого жите?
Старосту, попа, дьяка ли
Лишь приметит глаз,
Чуть не за версту снимали
Мы шапчонки враз.
Велика земля — раздолье,
Белый свет широк,
А надел твой в чистом поле
Весь под лапотъ лег.
Барину в дому — красиво,
Не жите — гульба!
У тебя ж, подгнив, косилась
Дедова изба.
Вся в снегу избушка эта
В дни зимы была,
И полынь на крыше летом,
Как в степи, росла.
Ветер днем играл в ней, плача,
В щели выл в ночи,
Стайка тощая ребячья
Мерзла на печи.
А в мороз, когда тоскливо
Сам ты хлюпал в ней,
Заливало медом-пивом
Стол у богачей.
Кружку бы тебе, но где там!
А твоя жена
Горб у богача с рассвета

Гнула допоздна,
А припомни-ка с конторой
Милый разговор!
Колокольчики всей сворой
Оцепили двор.
За долги корову взяли —
Да и с глаз долой.
Ты же их, уставясь в дали,
Проклял, с горя злой.
В избу — плачут ребятишки
С голоду навзрыд.
В зыбке — маленький, притихший,
Еле жив лежит.
Что хорошего вам, дети,
В жизни суждено?
Все, что есть для вас на свете,—
Трудно и черно...
Вспомни горюшко поболе —
Как в голодный год,
Осенью, земли и воли
Стал просить народ.
Стал просить...
Да налетела
Тут же казачня...
Не одно валялось тело
Под дождем три дня...
Вспомни это время злое,
Человек труда,
И скажи, мой брат: —
Былое, Сгинь ты навсегда!
А избушку без прощанья
Ты пусти на слом —
На фундамент вечный станет
Новый светлый дом!

Весь бедняцкий мир займется
Домом-то твоим,
Мы тебе сияньем солнца
Кровлю озарим!
Новых дней дождутся люди —
Долго ждали ведь!
Новый лад печаль избудет,
Слез не будет впредь!
Солнце новой жизни будет
Над землей гореть.
Казань, 1919 г.

ВЕСНОЙ

Сквозь окошко синеватый луч пробился,
Потихоньку спрыгнув на пол через стог. —
Что ж, вставай! - отец промолвил.
Я проснулся, Потянулся и с постели тут же — скок!
И над улицей увидел в то окно я:
Серых тучек вереница мчит рысцой.
Я оделся — и во двор! И вмиг водою
Ключевою освежил свое лицо...
Мать с отцом телегу рожью нагружают,
Я лошадку запрягаю в плуг — и вот
Я с отцом на посевную выезжаю,
А за нами раздается скрип ворот.
С одним домом поравнялись — и подружка
Улыбнулась мне в окошке голубом.
Сердце бьется: не задержимся неужто?
Только нет, она осталась — за окном.
1919 г.

ВОЛЖСКАЯ ПЕСНЯ

К Чебоксарам бежит,
И синя, и сильна,
И помалу вскипает волна.
Широка и вольна,
Все кого-то зовет —
Волю вольную кличет она.
Обездоленный люд
Встать, сплотиться зовет,
Взять в полон богатеев-господ!
Было жить невтерпеж,—
Драться весело все ж,—
Гей, проложим дорогу вперед!
Гей, Самара, Казань,
Что там ниже? Ты глянь:
Собирается все холостежь —
Против бар да купцов!
Волю вынь да положи —
Удальцов-молодцов не сочтешь!
Эй, какого рожна?
Им и смерть не страшна,
Буйной силою всяк обуян!
Никому их не смять,
Все — пожару под стать!
Атаман у них Разин Степан!
Слыша клич боевой,
Стал чуваш сам не свой:
К воле с ними дорога одна!
Он к Степану пристал,
Крепко бьется, удал,
Сердцу вольницы воля больна.
1919 г.

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

Мир очищен от старья огнем свободы,
И взаправду стал он белым, белый свет.
С тьмой исчезли униженья и невзгоды,
Ты, чувашский наш язык, увидел свет!
Сквозь века нужды и горя пробивался,
Сколько вынес ты глумлений с давних пор!
Все-то выдержал и сильным ты остался,
теперь ты чист, как пламя, и остер.
Если цепи, если горе не сломило,—
Значит, будешь и в грядущем ты таков,
Значит, будут острота твоя и сила
В нем не меньше, чем у прочих языков.
Светлой радостью воздастся за печали.
Ты прекрасен, как прекрасен отчий край.
Ты подобен раскаленной будешь стали —
Коль понадобится, молнией карай!
Вдоль по Волге, по лугам, полям зеленым
Имя славное свое ты пронесешь,
Разольешься золотым гусярным звоном.
То луной, то ясным солнышком взойдешь.
Сложишь песни ты про волжский ветер ярый
И про нежный шепот волн у пристаней,
Колыбель твою восславишь — Чебоксары —
И свободу милой родины моей.
Тот, кто верит в твой удел, кто это пишет,
Одиноко будет спать в земле — и он
Не увидит твоей славы, не услышит,
И погост его не будет сохранен,—
Но над ним язык чувашский наш достойный
Песней воли сохранится на века.
И тогда он, мертвый, будет спать спокойно,
Будет мать сыра земля ему легка.

1920 г.

ЧУВАШКЕ

Кто рождался, чтоб терзаться
В скудости на свете,
Больше всех перебиваться,
Бед, напастей встретить?
Кто свою удачу где-то
Обронил как будто,
Спокон веку без просвета
Жил, как в рабьих путах?
Чье житье бедой великой
Было, долей тяжкой?
Кто всех больше горе мыкал,
Если не чувашка?
От рождения, пожалуй,
Рабство было с нею:
Мать с отцом цепляли смалу
Ей суму на шею.
Мотыльки весной беспечно,
Весело порхали,
Радовались солнцу вечно,
Травке, синей дали.
Ну, а ты в нужде всегдашней
Радости не знала:
Зная лишь очаг домашний,
Век свой вековала.
С помелом да кочергою
Ты по гроб спозналась,
Выйти к свету, стать другою
Даже не пыталась.
К свету? А про волос долгий
Да про ум короткий —
Не тебе ль пустые толки

Быть внушали кроткой?
Двор мести была б сноровка,
Дом вести умело,
Ублюдать овцу с коровкой —
Вот всего и дела!
Так, помалу уходила
Силушка, спадала,
Убывала — и могила
Тело принимала...
Только ветер был болезный,
Плача сиротливо
О прошедшей бесполезно
Жизни терпеливой.
Шло в беде, в сплошной обиде
Все житье бедняжки...
Пусть вовек мы не увидим
Слез души чувашки!
Нынче поднял и чувашин
Голову: — Я тоже
Человек! — Приволье пашен
Полюбил он, ожил.
Ах, чувашка, пусть былое
Скроется ненастье,
Пусть позор тебя не кроет,
Пусть обнимет счастье!
Стала равной ты со всеми,
Заживешь ты важно —
Только не сиди все время
Ты в дыму очажном!
Вечно гнулась ты, довольно!
Быть рабой — стыдоба!
Стройте зданье жизни вольной
Разом все, бок о бок!
И учите вы ребяток,

Не жалея силы,
Чтоб они любили свято
Край чувашский милый,
Чтоб за речь родную были
Постоять готовы,
Чтоб, как встарь, их не язвили
Смехом бестолковым!
Не сидите ж по запечьям,
В светлый мир вступайте!
Скотской душу человечесью
Вы не почитайте!
Чебоксары, 1920 г.

БУДУЩЕЕ

После темной бури день погожий, ясный
Улыбнется, полный и красы, и ласки.
Серебром сверкая, словно дом прекрасный,
Мир весь обновится, озарясь, как в сказке.
Кровь погибших братьев, отданная воле,
Станет алым цветом там, на поле брани.
Вечно серебриться будут росы в поле —
Пролитых за счастье вечно слез сиянье.
Бедность и богатство, межи лихолетья
Прочь уйдут из жизни, обновленной волей.
Равенству и братству, и любви на свете
Нежно в каждом сердце пламенеть все боле.
1920 г.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Белой стаей облака летят.
Сиротлива степь. Уныл закат.
Буйный ветер долу травы гнет,
Затмевая пылью небосвод.
Есть курган в степи бескрайней той
Весь порос крапивой он густой.
Павший в битве славный человек
В горький час остался в нем навек.
Сын труда, он ради новых дней
Бился, крови не жалел своей.
Ради бедных выйдя в смертный бой,
Он расстался с жизнью молодой.
Он погиб, но не упал во прах
Коммунизма кумачовый стяг.
Спи, родной, твой быстрый век угас,
Рано, рано ты ушел от нас.
Будь легка земля тебе, герой,
Вечный мир тебе в земле сырой!
Брат, хоть смерть твоя была больна,
Не закрыла глаз тебе жена,
В скорбный путь не провожала мать,
Над тобой никто не смел рыдать.
Здесь, в курган, далеко от семьи,
Был чужими спущен ты людьми.
Подымись, очнись от сна, дружок,
В землю безо времени ты лег:
Молодайка ждет тебя домой,
А сынок твердит: — Где папа мой?
Эх, родимый, кто же в дни забот
Молодую жизнь тебе вернет?
Бороздой ты больше не пойдешь
И, как встарь, над ней не запоешь.

Не увидишь синей высоты,
Жаворонка не услышишь ты.
А когда все выйдут жать хлеба,
Не возьмет рука твоя серпа...
Ночь проходит, утро все светлей.
Вечно сиротлива ширь степей.
Ветер гнет крапиву над бойцом —
Тужит, плачет, не забыл о нем.
Казаккасы, 1920 г.

ЧУВАШСКОМУ ЮНОШЕ

Ты дай мне знать, земля родная,
Когда твой сын в заветный миг
Придет на свет, чтоб, обновляя,
Наполнить мощью твой язык.
О юноша с могучей речью,
Где б ни был ты, подай нам весть.
Мы ждем, идем к тебе навстречу,—
Явись, приди! Ты есть, ты есть!
Чтоб красотой наполнить новой
Родную речь, приди скорей!
Пусть сердца пламенного слово,
Пылая, жжет сердца людей!
Века твое запомнят имя!
От Чебоксар во все края —
В Цивильск, в Чикме — звеня над ними,
Пусть песня пролетит твоя!
Ты, мастер языка, своею
Душою зов услышишь наш.
Я верю. Я мечту лелею:
Придешь ты в мир, придешь, чуваш!
Чебоксары, 1920 г.

СТАЛЬНАЯ ВЕРА

Я верю: мой край встрепенется
Жар-птицей и смело взлетит.
Кто «нет» говорит — промахнется,
Тот жалкий душой инвалид.
Чувашия как бы ленива,
Чуваш как бы в сон погружен,—
Неважно! Могучим на диво,
Воскреснув, поднимется он!
Когда над землей задышала
Весна животворным теплом,
Кто видел, чтоб в спячке лежала
Природы краса подо льдом?
Нам сердце зима не остудит,
Стремит оно к солнцу полет!
Мы верим, бесстрашные люди,
Что день огнеликий придет.
Пой, сердце, задорные песни,
С народом их пой заодно,
Увидишь: чувашин воскреснет,
Ты нового встретить должно!
Да, имя его оживает:
Уж слышится грома раскат —
То силы любимого края,
Встающего к жизни, гремят.
Вы с временем в ногу шагайте,
Чувашии дети, смелей!
Шагайте, жар-птицей взмывайте,
Промедлить никто не посмей!
Твой облик, мой край, обновится.
А скоро ль? Уж близится час...
Кто «нет» говорит — осрамится!
И лжец, и слепец он зараз.

В груди твоей ширится пламя,
И новое солнце вот-вот
Убрать огневыми цветами
Ожившую землю взойдет.
И ты, осиянный, жар-птицей
Поднимешься, вольно дыша.
А кто нам перечить решится,
Тот враль и пустая душа.
Киев, 1921

К МОРЮ

Море без конца и края,
Чернь и зелень, пережат!
Взвой, фонтанами играя,
Смело бейся в берега!
Люб душе огненнокрылой
Гул борьбы,— шуми, вскипай!
Дай порадоваться силой
Ей, зовущей в новый край!
Море, море, всей громадой
За волной бросай волну,
С гневом, блеском, светом ада —
На утесы, в вышину!
Зло, раскатисто на кручи
За волной волну бросай,
Голосом борьбы могучим
В небе тучи сотрясай!
Так ударом буйной зыби
Берег каменный встряхни,
Чтобы не сдержались глыбы,
Чтобы в пляс пошли они!
Море, море, пред тобою —

Новых чувашей поэт.
Душу истоптав, бывшее
В ней оставило свой след:
Песни горя и унынья
Там лежат на самом дне.
Море, море, песней ныне
Помоги кипучей мне —
Навсегда с души поэта
Смой ты немочь прошлых дней,
Кровь очисти песней этой,
Мощь и храбрость в сердце влей!
До краев наполни силой
Душу новую его,
До краев наполни силой,
Дай геройства своего!
Чтоб о новом мире пел он,
Увлеченный новым днем!
Пусть борьбы святое дело
Солнцем сердца будет в нем!
Пусть он рубит лес и пашет,
Косит сено, холит скот,
Пусть, как все, на свадьбе пляшет
И смеется, и поет!
Море, море, если все же
Он уедет от зыбей
В край, что с детства все дороже,
В край, свободный от цепей,
Пусть, ликуя громогласный,
Чувашей он призовет
Новый мир любить прекрасный,
Солнце новой жизни ясной,
Века нового приход!
Глянь героем, люд забитый,
Сгинь, смиренье чуваша!

Гордо в новый путь лети ты,
Крепкокрылая душа!
Море, море, всей громадой
Ввысь взметая глубину,
Раздробляя глыбы, падай,
За волной бросай волну!
Ты взыграй, вздымая волны
Сильные, как голос твой,
Берег сотрясай безмолвный,
Грохочи, реви и вой!
Пламенной наполнив силой,
За волной волну бросай!
Люб душе огненнокрылой
Гул борьбы из края в край
Новый день, не пьтсья, милый,
Новый мир, не отступай!
Киев, 12 июля, 1921 г.

МОРЕ

Море разбушевалось. Громадные волны с буйной силой набегают на берег и, как стены, рушатся, громяхая... Море, ты могуче. Громоподобным, смелым пением своих волн влей в мое сердце силы! Пусть оно яростно полыхает! Пусть наполнит огненными словами мою речь! Тогда, возвратясь домой, все свои силы, силы моего сердца я отдам родной чувашской стороне без остатка. Обжигающими словами я разбужу молодые души: пусть перед ними откроется жизнь, пусть познают они красоту светлого мира!
Евпатория, июль 1921 г.

ПАШНЯ НОВОГО ДНЯ

В упряжке солнце пышет, горячась,
Плуг из рассветных выплавлен лучей —
И Новый День (старье от света — шась!)
В простор чувашских выехал полей.
Железо докрасна раскалено,
Подернут пласт разрезанный дымком —
И гибнет, как негожее зерно,
Чувашское бывшее под пластом.
И смотрит Новый День, как плуг, могуч
Доселе жесткая — черна земля.
Зеленый луг обвил бездонный ключ
И ласковой струей поит поля...
Шел Новый День и, набирая рост,
Из красной меры щедрой горстью брал
И сыпал, сыпал сотни тысяч звезд
На целину, которую вспахал.
И зорька с золотою бороной,
Ликуя, шла чувашской стороной.
Когда пробьются всходы в свой черед.
Увидит Новый День сиянье тут:
То жизнь родной Чувашии взойдет,
Неслыханные песни потекут.
Чувашии, с новым веком став иным,
Плечами небо подопрет, немал,
И Новый День опустит мост пред ним —
Цветущий радугой Интернационал.
Крым, 1921 г.

Кончается, уходит в прах старье.
А сердце жаждет солнечных времен.
Так нежно сердце трогает мое
Дня Нового, дня Завтрашнего звон.
Евпатория, июль 1921 г.

ВОИСТИНУ ВОСКРЕС

(Вольные стихи)

О старики, чей век — година бед,
Година горя и тоски,
Вы ль позабыли, как родной
Язык ваш был гоним с давнишних лёт?
О том, что стало стариной,
А ну-ка, вспомните, старики!
Чуваш в далекие те дни
Ходил, поникший искони.
Его пугали даже пни.
Что? Слово молвить? Ни-ни-ни!
Давили наш язык в те дни...
О старики,
Умом крепки,
Вы расскажите всюду молодым,
Как туго приходилось вам.
Любовь свою вы завещайте им
К прекрасным дедовским словам.
О старики, мы всей душою вас
Благодарим за то, что гнет
Вас не сломил, за то, что вновь живет,
Воскрес язык чувашский в добрый час!
Наш край чувашский с высоты небес
Сияньем дивным озарен:
Язык земли родной воскрес —

И мощною красою блещет он!
Он стал теперь, как никогда, богат!
Воскрес язык наш, чуваши!
Давайте же от всей души:
— Воистину воскрес! — воскликнем в лад
А вы, чей жар все горячей,—
Девчата, парни наших дней,—
Вы не забыли ль ввечеру,
Затеяв хоровод, игру,
Слагая песни, величать,
Любить язык родного края,
Который ожил, стал звучать,
Красою солнечной сверкая?
Кто молод, нынче стань крылат:
Воскрес, воскрес язык наш, чуваши!
Давайте же от всей души:
— Воистину воскрес! — воскликнем в лад.
И вы, леса земли моей,
Луга в цветах, которых нет милей,
Давайте с нами заодно
Язык чувашский славить, наш язык:
— Ты настрадался в прошлом, наш родной,
Так будь могуч навеки и велик!
Пускай леса дремучие шумят:
— Воскрес, воскрес язык наш, чуваши! —
Поля, звените, суходол, шурши:
— Воистину воскрес! — И каждый рад:
Он стал теперь, как никогда, богат!
Воскрес, воскрес язык наш, чуваши!
Давайте же от всей души:
— Воистину воскрес! — воскликнем в лад.
1921 г.

ПАМЯТИ АХАХА

Лишь призадумаюсь я о грядущих днях
Родного языка — уж думаю нет конца...
И так душа болит, поэт, ушедший в прах,
Что нет у нас тебя, чудесного певца.
Когда на радость нам расцвел родной язык
Когда воспламенил свои напевы ты,
Когда народ к тебе в любви своей приник—
Ты вдруг закрыл глаза, навек прервал мечты.
И сердце не стучит, которому так мил
Был край чувашский наш: оно в земле, во мгле.
Чувашский край свою надежду схоронил —
И песни лишь твои остались на земле.
Вновь озарило мир сиянье вешних дней.
Смеется солнце. Синь! И зелень! Красота!
Но, мертвый, ты совсем не думаешь о ней,
И не нужны тебе все прелести, цвета...
Мне хочется сказать: еще сильнее расцвет
Родного языка! Вставай — и за стихи!
Но не услышишь ты и промолчишь в ответ:
Красоты всей земли для мертвых — пустяки.
Так спи, родной поэт!.. Стихов и слов твоих
Вовеки никому из нас не позабыть.
Пока чувашский наш язык живет, не стих,
Не перестанем мы душой тебя любить.
Когда собратьев я читаю в тишине
И радуюсь весне родного языка,
Жизнь бедную твою я чувую в той весне,
И в сердце у меня — щемящая тоска.
1921 г.

Чуваш! Чуваш!
Чуваш! Чуваш!
Твои деревни и поля
Объяла сонь одна и та ж,
И их любить не в силах я.
Когда светлеет мир вокруг,
Тебе ль робеть, как встарь, мой друг?
Тебе ль дремать, как встарь, в глуши?
Стряхнуть свой долгий сон с души
Ты ль не желаешь? Пospеши!
Тебя отважным впереди
Хочу я видеть,— подымись
И окрылись, и смело ввысь,
На солнце, мой народ, гляди!
Ум чуваша, ты сталью будь,
Прорежь сквозь лед, сквозь камень путь —
Пусть искры сыплются кругом!
Ум чуваша, ты стань огнем,
Ты закаленной сталью будь!
Чуваш! Чуваш!
Чуваш! Чуваш!
Стрелою меткого стрелка
Цель порази наверняка,—
Вперед! В грядущие века!
Пусть сердце жжет отваги жар,
Бурли, вскипай, что твой котел,
Где плавка золота идет!
Будь, наш язык, как солнце, яр:
Поля родные, лес и дол
Будить давно настал черед!
Пронзи старье — ты сам не стар! —
Стрелой грозы! Еще удар!
Жаль, как змея,— оно падет!
Когда идет громов игра

В громадах темных туч,— смотри..
Как полыхает вышина!
Мой край родной, пришла пора,
Пульс новой жизни повтори,
Биенье вольной все сполна
Неистово в себя вбери!
Крым, 5 июля 1921 г.

Вдали, в полях, как будто гарь,
От зноя марь — давай играть,
Волной из края в край бежать...
Нет, не волна в полях, не марь —
То солнце сердца моего
Коснулось — и оно поет,
Сто струн в нем, в молодом, играют.
Играет сердце. Отчего?
Краса ли девица зовет,
Иль облака его ласкают?
Нет, нет!..
Мой край родной встает,
В избенки темных деревень
Идет полями Новый День,
Дыханье Новое идет,
Судьба Иная, Новый Год!
В крови горячей — гуслей звон,
В душе ярчайший день зажжен.
В ней песня солнца, счастья взлет
И жаворонок в ней поет!
Эй, свежий ветер,
вей, вливай
Упорство, мощь в чувашский край!
Придай сердцам чувашским сил,

Чтоб в них огонь все жарче был!
Ты, сердце, нови подпевай!
Ты солнцем у меня в груди,
Прекрасный день, сияй, гуди!
Ты, кровь горячая, пылай!
Я — сердце всех сердец в краю,
Он весь во мне, я с ним един.
Я — тысячи, я не один!
И песню тысяч я пою!
Евпатория, 12 июля 1921 г.

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ

Настанет время — и чувашский язык сможет рубить железо. Станет он острым, точно каленая сталь. Настанет время — и грянет над землей чувашская песня. Любовно восславит она чистое небо, радостный мир, красное солнце. И разольется чувашская песня трелью жаворонка с голубой высоты. И зарокочут в ней волны морские, зашумят высокие дубравы, зазеленеют бескрайние луга. Но никто не услышит в чувашской песне заунывной заплачки былого.

Все увидят сияние счастья. Грянут над волжскими берегами многострунные гусли мира,— это будет чувашская песня! Что ни слово — огонь, раскаленная сталь.

Со времен стародавних жил чувашский народ в неволе. Какого только горя не мыкал, какой муки не претерпел он, чтобы сберечь родное чувашское слово! Понурый, до глаз нахлобучив шапку, не проронив ни слова, стоял или сидел на земле чувашин. Лютый гнет и насилие не унимались — и разогнали, рассеяли чувашей. Кто куда разбежались они. В глушь дремучих лесов унесли свое слово...

Сирый чувашин, горемычный чувашин! Разлучили тебя с братьями и сестрами.

По-чувашски и пикнуть не давали тебе чужаки-богатеи.

Но и в горе, и в скудости ты пронес незапятнанным свое имя до внуков и правнуков. Никакие утеснения не раздавили твоего слова. Века проходили. Язык твой терзали со всех сторон. Ты говорил шепотом. И вот он жив, твой язык чувашский, он здравствует и поныне. Вопреки всему, что с тобою было, здравствует он.

Да здравствует он и впредь!

Эта быль знаменует неоспоримо, что сталью своего слова высекать гром и молнию чувашин будет всегда. Отсюда — наша надежда и твердость. Верим! Настанет время!

В ком нет веры, кто стыдится, что он родом чувашин, и чернит свое имя, тех мы по-чувашски отбросим пинком с дороги.

В ком есть вера, тот счастлив. Не забудем глумлений, испытанных нашими дедами. Язык, прошедший через горнило травли, не исчезнет со света. Доныне приглушенный, он зазвучит громко. Чувашское слово, чувашские песни, подобно волжским волнам и лесному шуму, зазвонят многострунными гусями.

Чувашский язык, точно каленая сталь, сможет рубить железо.

Настанет время! Настанет время! И когда настанет оно, то человека, написавшего это, помянут словами: «Да, правду он говорил!»

1921 г.

Только вечер приходит и сна пеленой
Одевает просторы полей,
Друг за дружкой думы, придя чередой,
В голове шевелятся моей.
Я гляжу — тени прошлых веков предо мной
Все виднее встают, все грозней.
Обступают меня тени жизней былых,
Я чувашскую землю мою,

Я отчизну распятую вижу средь них,
На кровавом кресте узнаю.
Вижу сердце, сожженное вечной нуждой,—
Каплет красная кровь, каплет кровь.
Над родной стороной черный день ледяной
Завывает-шумит вновь и вновь.
Ночь проходит, заря ее вышла сменить
(Плавит воздух — никак, хочет бусы отлить),
Звоном вся золотым налита.
Всколыхнулись и видят со мною друзья,
Что воскресла отчизна родная моя,
Что сошла дорогая с креста.
Евпатория, 16 июня 1921 г.

Пусть сгорит, пропадет
Душной темени гнет,
Мерзкой гари бывшего налет!
Пусть, в огне обновись,
вся земля в добрый час
Новый, молнийный лик обретет!
Новых молний полет!
Пусть он в сердце зажжет
Слово огненное, как восход!
Чебоксарам черед
Стать в грозу настает
Горном слов твоих новых, народ!
Кто боится огня,
Света нового дня,
Пусть огонь и пронзит их, казня!
Кто насилию бредет,
Хлипкий сердцем урод,
Станет жабой отвратною тот.

Эй, зарница, играй,
Новый путь в новый край
Лепестками красы осыпай!
Той дорогой, велик,
От зари к нам проник
Мира нового солнечный лик.
Кровь, бушуй, закипай!
Новь, старинку свергай
И сверкай! И сверкай! И сверкай!
Крым, 26 июля 1921 г.

СТРОЙТЕ МОСТ!

Дороги... трупы... Кругом — беда,
У околиц — костей гряда...
Ах, тяжело... не продохнуть!
Эй, живые, сюда!
Через трупы, по кучам костей
В завтра, в солнечный простор
Перебросьте мост! Ах,
перебросьте мост! Случись,
что я без сил упаду —
Втопчите меня во прах,
Смело топчите сердце мое —
Шире железный шаг!
Ах, сломайте мне шею, ах!
Если сгину, строя мост,
Раскачайте — и долой!
Меня прошу швырнуть Вниз!
Под мост! Ах,
под мост, под мост!
Сердечный напев — позади,
О негах — покончен вопрос,

Свет — впереди,
А нынче — смерти пора!
У кого сухие глаза,
Душа — гранит,
Те — через мост!
Выбор прост:
Кто мускулист,
тот — через мост! Кто немощен,
Тот — с моста вниз!
На всех путях костей не счесть,
И на полях,
На перелесках — мор.
Эй, люд живой! Через трупы мост
В день светлый,
В завтра перекинь!
Ах, я ослаб, Изныл, тяжесть в спине...
Эй, отшвырни меня,
Сбрось в стукотне
К черту, под мост, отшвырни меня!
Ах, шею сломай ты мне!
Киев, 30 октября 1921 г.

КАК ПОМРУ...

Как помру, на возвышенье
Схороните прах
И оставьте, посадите
Ветлы в головах.
Отчий край хочу я видеть,
Лежа в вышине,
И чтоб старые виднелись
Чебоксары мне.
Буду я лежать, а время

Далеко уйдет.
С жизнью и язык чувашский
Двинется вперед.
Верю я: земли чувашской
Ласковый язык
Сладок будет юным душам,
Ярок и велик.
Жду: настанет вечных песен
И стихов пора,
Много острых книг напишут
Наши мастера.
Будут славные поэты
У страны моей,
Будут их стихи все звонче,
Краше и сильнее.
Вряд ли кто сказать посмеет:
— Ваша речь бедна.—
Мне тогда бы на такого
Глянуть ворчуна!
Братья! Вас к моей могиле
Я прошу прийти —
Прочитать стихотворенья,
Песню повести.
Мне захочется услышать
Имена певцов —
Тех, кого всех больше славить
Край родной готов.
Восхваляйте в песнях ваших
Имена певцов,
Их стихи вы пойте хором
Звонких голосов!
Я и сам тогда узнаю
Имена певцов —
Тех, кто слышит к новой славе

Письменности зов.
Нового родив поэта,
Мой чувашский край,
Иволгу к моей могиле
Тотчас отправляй!
Сев на солнечную ветку,
Друг пернатый тот
Пусть поет язык чувашский!
Звонко пусть поет
О поэзии прекрасной
Края моего,
Как лелеет наше слово
Молодежь его.
Обо всем пусть распевает
Пташка средь ветвей,
Пусть сверкает солнце ярче
С вышины своей.
Пусть оденется зеленой
Травкой мой приют,
Пусть вокруг моей постели
Маки расцветут!
Если ж не возлюбит края
Своего народа
И живой язык чувашский
Сгладится, умрет,—
Что могила мне, что птица,
Что цветы тогда?
Мне б сквозь землю провалиться,
Сгинуть без следа!
Маки, маки, как в моем саду
В позапрошлом вы цвели году!
Разозлился ветер, вас посек,
Окружил горячий вас песок.
Пышно, маки нежные, в саду

В позапрошлом вы цвели году.
Я, хозяин ваш, вдали от вас,
Голоден, хожу-брожу сейчас.
Вспоминаю алый маков цвет —
И душе моей покоя нет.
Алые, прекрасные, в саду
В позапрошлом вы цвели году.
Он вернется ль, тот погожий день,
Глянет ли за наш родной плетень?
Сад зеленокосой красоты,
Чай, хозяина дождешься ты?
Маки, маки, как в моем саду
В позапрошлом вы цвели году!
Разозлился ветер, вас посек,
Я, голодный, так от вас далек.
Чернигов, 20 марта 1922 г.

Буйная весна в саду вчера
Ликовала целый день с утра.
Рано-рано утром, чуть светок,
Распустился желтый мой цветок.
На березке, пробудясь от сна,
Иволга звенела допоздна.
Ну, а нынче — выюга чуть светок,
Запропал под снегом мой цветок.
На березке иволги уж нет —
Упорхнула ль милая от бед?
Ст. Бровары, 9 апреля 1922 г.

Последний кус в руке, последний кус
В котле — последняя снедь.
Голодноглазое завтра стоит на чеку,
Скаля зубы, пришло мне в глаза глядеть.
Последний кус в руке... Последний кус.

ОТНЫНЕ **(Последние капли крови)**

Слово теплое, обледенев,
Камнем в горле застряло отныне.
Нет над лесом зарниц и в помине —
Смерть над миром разинула зев.
Край родной повели босиком
На Голгофу, на гору страданий.
Чебоксары, ваш пот стародавний,
Пот кровавый,— он в сердце моем.
Что держу я в руке — назови!
Рву на части, кромсаю — что это?
Что за месиво? Сердце поэта!
Это — Сеспеля сердце в крови!
Псом ободранным нюхать пойду
Горклый кус у чужого забора,
Буду выть, вспоминая свой город,
В стужу, в слякоть. И так упаду,
Так умру я, иссохшим нутром
Стон исторгнув могильный в унынье.
Ах, отныне, отныне, отныне
Тяжкий жернов на сердце моем...

ГОЛОДНЫЙ ПСАЛОМ

(Отрывок)

Костлявыми руками старый мир
Возвел на крест, распял страну родную;
Сухими, острыми зубами голод
Несчастную грызет, грызет, грызет...
Полны страданий избы. Душно тут,
И пахнет потом. Села — толпы нищих.
Поля больны, черны, как пепелища.
От засухи они без вспашки мрут.
Вздыхает, стонет Волга день и ночь,
Вся желтая, вся в мусоре и рвани.
И не сдержала бедная рыдания:
Ей видеть боль родной земли невмочь.
Костлявый голод сердце края сжал,
Цветок надежды смят обледененьем,
В сердцах заглохла песня возрожденья:
Лишь началась — и голод оборвал.
О солнце! В дни, когда цвела весна,
Ласкали душу звуки песни новой. ...
Но край мой гибнет... умирает слово...
Кому ты, песнь моя, кому нужна?!

ТЯЖЕЛЫЕ ДУМЫ

Из Чебоксар я вышел в путь недолгий —
И поднялся на крутояр над Волгой.
Передо мной была страна родная —
Я встал, ее душою обнимая.
Я слушал шум, летящий над рекою,
И мнилось: этим душу успокою.
Но где ее утихомирить шумом,

Когда отбоя нет тяжелым думам!
Доныне верил, милый край, в тебя я
И чувал: слава ждет тебя большая.
Доныне был надеждами я счастлив,
А нынче что-то все они погасли.
Пронизывает душу ветер стылый,
В остывшем сердце замирают силы.
— Приди, поэт чувашский, поскорее!
В душе моей звучало, не слабея.—
Он явится! — мечтал я горделиво,—
И наш язык заблещет всем на диво!
Свой путь найдет поэзия родная —
И книгу назовут богатством края!..

Годами длилось ожиданье это,
Но нет, не слышно голоса поэта!
Доныне был надеждами я счастлив,
А нынче что-то все они погасли.
Пронизывает душу ветер стылый
И в скорбном сердце замирают силы.
Неужто, край мой, ты вконец измучен?
Неужто наш язык иссяк могучий?
Неужто с языков других расцветом
Чувашский наш язык уйдет со света?
Неужто белый свет широкий ныне
Чуваши с деревнею своею покинет?
О, если так, жги сердце, пламя злое,
Пока не сделаешь его золою!
Пусть ветры по полю золу развеют
И душу смерть сразит косою своею!
Пусть в бурю дед, мои собравши кости,
На старом погребет меня погосте!

Над ним пусть ветры вечно воют в гневе.
Раскачивая старые деревья!
Крапива пусть могилу всю усеет,
Пусть в головах шипят всечасно змеи!

Настанет час, пора придет:
Начнется новый век,
И перестанет средь невзгод
Лить слезы человек,
И солнце новых дней взойдет,
Сиянием слепя...

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ФМО
(НОФМО)
ПРОЕКТ
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЮРКСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВЫП. 2

СЕСПЕЛЬ МИШШИ:
РОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

составление и вступительная статья
Кӓрчан Макӓм

Оригинал-макет:
Кӓрчан Макӓм

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Воронеж, Московский пр-т, 88

Тираж: 100

Воронеж

2007